

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX—XXI СТОЛЕТИЙ

RUSSIAN LITERATURE BETWEEN THE 19th AND 21st CENTURIES

DOI 10.15826/izv2.2025.27.1.001

УДК 821.161.1-3(571.6) + 82-311.8 +
+ 82-92 + 81'286 + 81'42 + 82-43

Т. В. Васильева

*Тихоокеанский государственный
университет
Хабаровск, Россия*

ОБРАЗЫ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЛИТЕРАТУРЕ ВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Статья посвящена изучению особенностей литературной репрезентации образов инокультурных представителей восточного фронта в период освоения русскими дальневосточных территорий во второй половине XIX в. На материале путевой прозы С. В. Максимова, Н. М. Пржевальского, А. В. Елисеева, Д. И. Шрейдера обозначен вектор художественного представления «иностранцев» от обобщенного описания этнокультурных сообществ, сосуществующих на территории кросс-культурного пространства восточного фронта, до появления во фронтирном нарративе персонализированных образов «инокультурных» героев. Цель исследования — рассмотреть идейно-содержательные константы художественной репрезентации «иностранцев» в литературе о Дальнем Востоке в аспекте представления образа дальневосточного фронта. В исследовании применялись сравнительно-исторический метод, обеспечивающий сопоставление сходных элементов в литературе, фольклоре и мифологии, а также структурно-семиотический метод, позволяющий выделить константные элементы художественного целого. Автор высказывает мысль, что для нарративов восточного фронта характерно наличие двух типов инокультурных героев: 1) герои, действующие в природных локациях; 2) герои полиэтнического городского пространства. В статье выделяются дифференциальные признаки каждого типа героев в аспекте жанрово-стилистических доминант, анализируются приемы их художественной персонализации. В результате автор приходит к выводу, что появление в литературе восточного фронта образа «инокультурного героя» в пространстве тайги связано с натурфилософской и экософской проблематикой. В русской литературе фронтирная оппозиция «дикость — цивилизация» была переосмыслена как «природа — цивилизация». Обобщенно-символическая мифологизация героев

«пространства тайги» как воплощение идеала гармонии между человеком и природой обусловила константность этого типа в литературе XX в. (В. К. Арсеньев, Н. А. Байков, М. М. Пришвин, О. М. Куваев, В. П. Сысоев). Тип инокультурных персонажей в «городском» пространстве характеризуется высокой степенью социально-исторической обусловленности. Изменение вектора изображения «инородцев» в сторону художественной персонализации связано с развитием этнотолерантности в условиях поликультурного восточного фронта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фронтир; геопоэтика; инокультурный персонаж; нарратив; литературный этнографизм; путевая проза; приемы персонализации героя

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01494 «Образ дальневосточного фронта в русской путевой прозе XIX века»).

Ц и т и р о в а н и е: *Васильева Т. В.* Образы инокультурных персонажей в литературе восточного фронта второй половины XIX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 27, № 1. С. 9–24. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.001>

Поступила в редакцию: 19.07.2023

Принята к печати: 27.05.2024

Tatiana V. Vasilyeva

*Pacific National University
Khabarovsk, Russia*

IMAGES OF ETHNOCULTURAL CHARACTERS IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

This article analyses the distinctive characteristics of literary portrayals of ethnocultural individuals residing in the eastern frontier regions during the period of Russian exploration in the Far East during the latter half of the nineteenth century. Referring to the travel prose of S. V. Maksimov, N. M. Przhevalsky, A. V. Eliseev, and D. I. Schreider, the author provides a comprehensive overview of the evolution of the artistic representation of “foreigners” from the generalised description of ethnocultural communities coexisting on the territory of the cross-cultural space of the eastern frontier to the appearance of personalised images of ethnocultural characters in the frontier narrative. The objective of the study is to examine the specifics of the representation of “foreigners” in literature about the Far East from the perspective of frontier poetics. The author employs the comparative-historical method, which provides a comparison of similar elements in literature, folklore, and mythology, as well as the structural-semiotic method, which makes it possible to identify the constant elements of the artistic whole. The author suggests that the narratives of the eastern frontier are represented by two types of ethnocultural characters, which became constant for the subsequent literary tradition: 1) those acting in natural locations;

2) those appearing in a multiethnic urban space. The article highlights the differential features of each type of characters in terms of genre and stylistic dominants and analyses the methods of their artistic personalisation. As a result, the author concludes that the appearance in the literature of the eastern frontier of the image of ethnocultural characters in the space of “taiga” is associated with the ecosophical concept. This resulted in a shift in perspective within Russian literature, where the frontier opposition between “wildness” and “civilization” was reinterpreted as a contrast between “nature” and “civilization.” The generalised symbolic mythologisation of the characters of the “taiga space” as the embodiment of the ideal of harmony between man and nature determined the constancy of this type in 20th-century literature (V. K. Arseniev, N. A. Baikov, M. M. Prishvin, O. M. Kuvaev, V. P. Sysoev), while the type of ethnocultural characters in the “urban” space is characterised by a high degree of social and historical conditioning. The shift in the vector of depicting “foreigners” towards artistic personalisation is due to the development of ethnic tolerance in the conditions of the multicultural eastern frontier.

Key words: frontier; geopoetics; foreign character; narrative; literary ethnographism; travelogues; character personalisation techniques

Acknowledgements

The study was prepared within the framework of scholarly project 23-28-01494 “The Image of the Far Eastern Frontier in the Russian Travel Prose of the 19th Century” supported by the *Russian Science Foundation*.

For citation: Vasilyeva, T. V. (2025). Obrazy inokul'turnykh personazhei v literature vostochnogo frontira vtoroi poloviny XIX v. [Images of Ethnocultural Characters in the Second Half of the 19th Century]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 27(1), 9–24. <https://doi.org/10.15826/izv2.2025.27.1.001>

Submitted: 19.07.2023

Accepted: 27.05.2024

Введение

В настоящее время в научном дискурсе категория «фронтира» имеет полноценный гносеологический статус. Введенный в науку Ф. Дж. Тернером термин «фронтир» (от англ. *frontier* ‘рубеж, граница’), обозначающий точку, где встречаются «дикость и цивилизация», в современной науке приобрел статус междисциплинарного, что обусловило семантический сдвиг в понятии от оппозиции «дикость — цивилизация» и конкретно-исторической локальной отнесенности в сторону концептуализации фронтира в качестве универсального конструкта научного знания [Тюрин; Шиловский; Басалаева, 2012а; 2012б]. Обосновывая необходимость создания релевантной методологии анализа феномена фронтира на современном этапе, И. П. Басалаева подчеркивает важность нарратологического анализа «существующего массива текстов (от исторических документов до литературных произведений, биографики, пейзажной живописи, кинематографических произведений и т. п.), то есть суммарной репрезентации

образа территории» [Басалаева, 2012б, с. 27]. Исследования художественной рецепции фронтирных процессов представляются актуальными в первую очередь не только потому, что они являются источником отражения фронтирных паттернов, позволяющих реконструировать объективные процессы того или иного исторического этапа, но и прежде всего потому, что фольклор, фронтирная литература, публицистика, живопись и т. п. осмыслили фронт в гуманистической парадигме — парадигме «человеческого измерения», тем самым моделируя ментальный образ фронта в национальной картине мира.

В современном литературоведении категория фронта также начинает приобретать методологический статус, прежде всего, в геопоэтических исследованиях. Методология геопоэтических исследований базируется на осмыслении проблемы «пространство и человек» в антропологическом аспекте и связана с исследованием геопоэтического содержания произведений, создающих художественный образ региона [Александрова-Осокина].

Категория фронта становится базовым понятием в выделении семантического ядра локальных свертхтекстов. В частности, Н. С. Милянчук отмечает, что в условиях восточного фронта сформировался особый тип текста, «имеющий специфическую семантическую и коммуникативно-грамматическую структуру, которая отражает идею освоения обширных пространств, преодоления трудностей, идею выживания в борьбе со стихией, с враждебными силами» [Милянчук, с. 185]. Идеино-содержательные нарративы в литературе восточного фронта в первую очередь направлены на концептуализацию образа российского Дальнего Востока [Фетисова; Головнев, Головнева]. Важным выводом исследований нарративов восточного фронта является мысль о том, что в дальневосточном фронтирном дискурсе текстопорождающими константами становятся мотивы «природной исключительности, этнокультурной неоднородности, окраинности и мотивы переселенчества» [Головнева, Мартишина, с. 217].

Художественное представление территории Дальнего Востока как полиэтнического пространства становится важнейшим паттерном в литературе восточного фронта. Это обуславливает наличие в художественном пространстве произведений, посвященных Дальнему Востоку, образов представителей иных народов, что становится константной чертой фронтирного дискурса [Елисеев; Арсеньев; Байков; Пришвин; Федосеев; Куваев; Сысоев]. Манза Тунли в очерке «В тайге: (Из воспоминаний о далеком Востоке)» А. В. Елисеева, гольд Дерсу Узала в произведениях В. К. Арсеньева, старик-китаец Тунли в повести «Великий Ван» Н. А. Байкова, эвенк Карарбах в «Злом духе Ямбуя» Г. А. Федосеева, чукотский пастух Кые в «Территории» О. М. Куваева, герои-проводники в повестях В. П. Сысоева являются знаками «иных менталитетов» [Васильева, 2021].

Важным представляется обозначить некоторые теоретические аспекты терминологии, применимой к описанию этих образов. В современной нарративной практике героев — представителей отличных от автора и читательской аудитории этнокультурных сообществ — принято называть «иноплеменной герой», «инокультурный персонаж», «инокультурный герой». Зачастую эти

понятия употребляются синонимично, однако, на наш взгляд, эти термины требуют различения. Внутренняя форма термина «иноплеменной герой» отражает внешний дифференциальный признак. Этот термин релевантен, когда в фольклорном или художественном дискурсе не ставится задача этнографического исследования «иной» этнической картины мира, а принадлежность к иному народу является лишь фактологическим признаком. При анализе произведений с этнографическим нарративом релевантным представляется использование в терминологической номинации прилагательного «инокультурный», поскольку художественной задачей становится знакомство читателя с тем или иным этнокультурным сообществом, с его ценностно-мировоззренческими установками, элементами материальной культуры и т. д. Дифференциальным признаком понятий «инокультурный персонаж» и «инокультурный герой» согласно общепринятой в литературоведении позиции является степень вовлеченности текстового субъекта в действие [Чернец]. Таким образом, об «инокультурных героях» восточного фронта в русской литературе XIX в. возможно говорить только в исследованиях произведений в которых публицистический дискурс путевой прозы перестает доминировать, уступая место художественному (А. В. Елисеев, Д. И. Шрейдер, С. В. Максимов и др.), а инокультурному персонажу придаются индивидуализированные черты (имя, художественная биография, последовательность действий в определенном хронотопе, обозначается его вещный мир, черты характера, мировоззрение и т. д.).

Несмотря на актуальность проблематики изучения фронтальной литературы, образы инокультурных героев на территории восточного фронта описаны преимущественно на материале литературы XX в. [Забияко; Петраченко; Трубицина; Яроцкая]. Однако традиции изображения этих персонажей сложились уже в литературе XIX в., что требует научного осмысления этого этапа как значимого в развитии русской фронтальной литературы.

Образы инородцев в этнографической путевой прозе восточного фронта

Уже в XVIII в. в документально-художественной маринистике встречаются этнографические зарисовки народов Дальнего Востока и соседних с ним стран (Г. И. Шелихов, Н. П. Резанов, И. Ф. Крузенштерн и т. д.). В первой половине XIX в. в путевой прозе писателей-путешественников (Ф. П. Врангель, В. М. Головнин, Ю. Ф. Лисянский, Ф. П. Литке и т. д.) формируется ряд жанрово-художественных констант, таких как «пространственно-хронологическая сюжетика, географические характеристики маршрута, описание поведения членов экспедиции, этнографические зарисовки» [Фетисова]. По словам Л. Е. Фетисовой, «...Обязательным стало описание быта аборигенов на территории, недавно вошедшей в состав России, а также населения сопредельных азиатских стран — Японии, Китая, Кореи» [Там же, с. 179]. Тем не менее, отдельные образы инокультурных персонажей, возникающие на страницах книг первой половины XIX в.

обезличены, чаще всего не имеют имен, обобщены и ограничены возрастным или социальным статусом, т. е. представлены исключительно в этнографическом ракурсе. Перцепция «иностранцев» репрезентируется в системе бинарной оппозиции «свое — чужое» как чистого объекта, лишенного субъектных качеств. Эти традиции представления «иностранцев» сохраняют свое значение и в период формирования литературы восточного фронта, отражающей процессы сухопутного крестьянского переселения на Дальний Восток (1860–1880-е гг.).

Значимым литературным трудом в литературе восточного фронта стала книга С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 гг.)». В книге С. В. Максимова впервые формируется собственно фронтальный дискурс, когда осмысление процессов освоения восточных территорий осуществляется не только «извне», с позиции писателя-публициста (где, безусловно, будет преобладать этнографизм как представление экзотических земель и народов), но и изнутри, через объективацию сознания людей фронта: крестьянских переселенцев, казаков, гарнизонных солдат и т. д., непосредственно взаимодействующих с представителями иных народов. В сознании людей фронта взаимодействие с «иностранцами» становится способом выживания на новых территориях, возможностью в процессе межкультурного взаимодействия освоить новые способы ведения хозяйства, разительно отличающиеся от привычных (охота в уссурийской тайге, рыболовство в условиях промерзающих рек, борьба с наводнениями и т. д.). Кроме того, С. В. Максимов, будучи приверженцем идей В. Даля, изменил ракурс представления героев, направив его на постижение народного духа через фольклор, язык, мифологию и т. д. Это повлекло изменение мировоззренческой позиции в осмыслении взаимодействия русских с этносами восточного фронта с оппозиции «свой — чужой» на оппозицию «Я — Другой» (другой как я), что отчасти сместило фронтальные нарративы с оппозиционного противопоставления на поиск общего в мировосприятии разных народов. В дискурсе С. В. Максимова подчеркивается сосуществование людей с различной ментальностью: «— Дружно вы живете с ними, не бранитесь, не деретесь? — Зачем драться? Мы от них худого не видим: друг дружке помогаем тоже, потому что все заедино» [Максимов, с. 199].

По Максиму, русская ментальность, основанная на соборности, стремлении к созидательному труду и способности выносить трудности, стала ценностным основанием взаимодействия с иными народами на фронтальных территориях в гуманистической парадигме, а не насильственным путем¹. Тем не менее, образы «иностранцев» в прозе С. В. Максимова еще обобщены, лишены личностных персональных черт, и выступают в качестве иллюстраций этнокультурных различий (внешность, особенности национального костюма, ритуалы, быт, общественный статус и т. д.). Отчасти объяснением этому является начальный этап

¹ С. В. Максимов акцентирует внимание читателей на китайском и маньчжурском притеснении коренных народов Приамурья, вводя в описание картины разоренных жилищ, капищ, мест захоронений, а также объективирует сочувствие русских поселенцев коренным жителям.

освоения новых территорий, когда в ментальной картине русского человека еще не произошел поворот к осознанию новых земель как части России². Несмотря на это, книга С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 гг.)» стала важным эволюционным этапом формирования фронтальной мифологии, согласно которой в мифе о Дальнем Востоке появились не только мотивы полиэтнического разнообразия территории восточного фронта, но и мотивы этнотолерантности, мысль о невозможности освоения территории без межкультурного диалога [Васильева, 2023].

Образы инокультурных персонажей в пространстве дальневосточной тайги

Изменения в представлении образов «иностранцев» в последнее десятилетие XIX в. обусловлены смещением публицистической доминанты в сторону художественной. На этот период развития литературы восточного фронта приходится второй крупный этап переселенческих процессов на Восток, и предметом художественной рефлексии восточного фронта, помимо забайкальского, камчатского, амурского, становится уссурийский фронт. Образ Уссурийского края в литературе начинает осмысляться в новой жанровой разновидности — географическом очерке, в котором текстопорождающим концептом становится образ природы, а сюжетику строится по канонам приключенческой литературы (преодоление препятствий, борьба со стихией, охота, выживание в условиях дикой природы). В представлении темы «человек и природа» в произведениях о Дальнем Востоке отчетливо прослеживаются два вектора: научно-натуралистическая природоведческая проза (очерки «Путешествия в Уссурийском крае» (1870) Н. М. Пржевальского) и натурфилософская проза («В тайге: (Из воспоминаний о далеком Востоке)» (1891) А. В. Елисеева).

Фронтальные нарративы Н. М. Пржевальского связаны с «пустотой» и «дикостью» Уссурийского края: «Кругом не видно ни малейшего следа руки человека; всё дико, пустынно, нетронуто. Только звери, которые то там, то здесь мелькают по сторонам, напоминают путнику, что эти леса полны жизни, но жизни дикой, своеобразной»; «везде безлюдье, пустыня в пустыне» [Пржевальский, с. 34].

Образ автора в очерках представлен как образ «образованного европейца», поэтому в изображении «иностранцев» обнаруживаются отголоски эволюционистского подхода. Так, в частности, манз он называет «малыми детьми», подчеркивая их удивление привычными для европейца артефактами цивилизации.

На страницах «Путешествия в Уссурийском крае» описываются китайцы (манзы), корейцы, бирар-тунгусы, гольды, орочи (тазы). Н. М. Пржевальский следует традициям этнографического представления «иностранцев», характерным для литературы путешествий предшествующего периода, подробно описывая

² С. В. Максимов не раз подчеркивает, что в сознании переселенцев есть «Расея» и есть «Амур» и «амурцы» как нечто особое, отличное.

особенности быта, традиций, промыслов и т. д. При этом автор оценивает перспективы межкультурного взаимодействия с разных сторон и предлагает собственные проекты, например, переселить корейскую диаспору подальше от корейских границ, или, например, размышляет о важности межэтнических браков как способе сохранения доминантного положения русских на новых российских территориях.

Существенным вкладом Н. М. Пржевальского в развитие литературы восточного фронта можно считать тот факт, что впервые доминантным фронтирным хронотопом становится локус уссурийской тайги, а нарративы представления «иностранцев» направляются в сторону подробного описания их традиционных промыслов в тайге (добыча пантов, сбор женьшеня, ловля кеты во время нереста, охота на соболей и копытных, охота на тигра).

В документальном дискурсе «Путешествия в Уссурийском крае» (1870) автор достаточно дистанцирован от инокультурных героев и основным приемом их представления читателю становится этнографическая научно-достоверная справка, вынесенная у Пржевальского в отдельную главу. В очерке-воспоминании А. В. Елисеева «В тайге: (Из воспоминаний о далеком Востоке)», напротив, преобладает художественный этнографический дискурс, и наряду с автором-повествователем участником основного действия становится инокультурный герой.

Образ старика-охотника Тунли из очерка А. В. Елисеева «В тайге: (Из воспоминаний о далеком Востоке)» стал литературной первоосновой для целой галереи образов инокультурных героев, сопровождающих авторов-путешественников в локациях дальневосточной тайги (Тунли из повести «Великий Ван» Н. А. Байкова, Дерсу Узала у В. К. Арсеньева, Лувен у М. М. Пришвина, Карарбах у Г. А. Федосеева и т. д.). Доминантным идейным мотивом в образе Тунли является его близость к природе, единство с ней. Автор отчасти мифологизирует образ «сына дикой Маньчжурии», используя зооморфные метафоры в портретной характеристике героя: «чутье собаки, глаз сокола, ухо зайца и ловкость тигра — вот качества старого лесного бродяги, какие чуть не от рождения приобрел или унаследовал Тунли... Человек и зверь соединились в нем, но зверь не заглушил человека» [Елисеев, с. 5]. Фольклорно-мифологические реминисценции в образе старого охотника наблюдаются и в авторской характеристике биографии героя через номинации родства: «его женою была дикая тайга, его братьями — дикие звери, его детьми — бесприютные манзы» [Там же, с. 6]. Мифологизация героя обусловлена натурфилософской поэтикой А. В. Елисеева, в которой тайга является сакральным местом, где жизнь и смерть зависят от фатума природы. Охотника автор называет «Немвродом пограничной Маньчжурии», подчеркивая его непревзойденное охотничье мастерство в добыче соболей, в охоте на тигров, в добыче «многоценных пантов» [Там же, с. 10]. Отсылка в авторской номинации к легендарному библейскому охотнику связана с перифразом не только охотничьего мастерства, но и удивительной для автора связи Тунли с животными, умением «повелевать» ими: «он был настоящим *царем*, идущим по верховьям Суйфуна тайги» [Там же, с. 5].

Противоречие между мифологическим сознанием, которым наделяет «инородца» автор, и реалиями исторического времени, где все подчиняется власти золота, подчеркивается А. В. Елисеевым в характере героя: «странная противоречивая натура его совмещала в себе такие две несходные стороны характера, как роковое стремление к наживе и обречение себя на жизнь и смерть в тайге. Грубый материалист уживался в нем с полудиким таежником, любящим лес выше всего в мире, мрачный фаталист — с мечтателем, легко смотрящим как на жизнь, так и на смерть» [Елисеев, с. 9]. Эта антиномичность, совмещающая в одном человеке идеализм мифопоэтического сознания «человека природы» и пороки современной автору цивилизации, свидетельствует о новом ракурсе восприятия «иностранца»: не столько как представителя определенного этноса, но как человека фронта, вобравшего в себя ценности и пороки кросс-культурной «побуждающей» среды. Вероятно, на персонализацию инокультурного героя как одного из главных действующих персонажей в охотничьих нарративах оказала влияние европейская и американская традиция приключенческой беллетристики конца XIX в. (Луи Жаколио, Луи Буссенар, Майн Рид, Ф. Купер), в которой аборигены-проводники, следопыты воплощали трансформированный образ «благородного дикаря». Типичность образа «местного» охотника в «дремучих заповедных лесах» подчеркивается Елисеевым: «Я остановился на описании этого любопытного типа лесного бродяги, который я встречал и в Лапландии, и на Урале, и в Обонежье, и на Кавказе и в Алжирии, и на Тавре...» [Там же, с. 10]. Однако примечателен тот факт, что если в американской и европейской литературе образ инокультурного героя-проводника свойственен приключенческой беллетристике, в русской литературе он возникает в натурфилософской прозе как идеал человека, гармонично сосуществующего с природой, живущего по ее естественным законам: «Они научают понимать глубже природу, читать яснее в ее раскрытой книге, находить счастье в общении с нею, доказывая примером собственной жизни, как могуч даже один, предоставленный самому себе, человек в борьбе и вместе с тем в союзе со всемогущею природой» [Там же].

В образе Тунли автор подчеркивает внерациональное стремление инокультурного героя помогать всем нуждающимся в помощи: «его сердце было отзывчиво к нуждам ближнего». Этот мотив помощи путникам станет константным в последующей традиции изображения инокультурных героев в природном хронотопе [Яроцкая]. Константным станет также представление героя-проводника стариком. Старость в художественном портрете инокультурного героя не столько геронтологическая черта, сколько атрибут архетипического концепта «мудреца», учителя, покровителя. Как отмечает Елисеев, Тунли называли «отцом» и «дедом» [Елисеев, с. 5]. В характеристике образа старика-проводника автор использует номинации родства, подчеркивая его родственные чувства к ближнему.

Важными чертами нарратива восточного фронта в изображении инокультурного героя в литературе второй половины XIX в. являются этнографические элементы, связанные с этноидентификацией героя (внешность, костюм,

традиционные ритуалы, бытовые артефакты и т. д.), и особая речевая характеристика³, отражающая кросс-культурные языковые процессы. С появлением в литературе восточного фронта инокультурного героя — спутника автора фронтирный дискурс изменяется на совместный «мы-дискурс», в котором постепенно уменьшается культурная пропасть между представителями различных этносов и формируется понимание новых российских территорий как объективно поликультурных, как пространства, на котором межкультурное взаимодействие возможно исключительно на гуманистических основах.

Образы инокультурных героев в «городском» тексте дальневосточного фронта

Заметным явлением во фронтирной литературе стал выход книги Д. И. Шрейдера «Наш Дальний Восток: (Три года в Уссурийском крае)». Д. И. Шрейдер — писатель-публицист, путешественник, сотрудник газеты «Русские ведомости». Наиболее известные его книги «Япония и японцы», «Наш Дальний Восток: (Три года в Уссурийском крае)» были высоко оценены современниками. В рецензии на книгу «Япония и японцы» в журнале «Мир Божий» (1895, № 12) отмечается «живость описания, местами почти художественная», а также ориентированность автора на объективность изображения: «Не довольствуясь личными наблюдениями, автор везде старается обосновать свои взгляды цифровыми данными и мнениями лиц, долго живших в стране и хорошо ее знающих, что делает книгу г. Шрейдера положительно незаменимой для русских читателей» [Острогорский, с. 37]. Если книга «Япония и японцы» продолжает традиции В. М. Головина, И. А. Гончарова, поражая современников «удивительным проникновением в дух страны» [Там же], то книга «Наш Дальний Восток: (Три года в Уссурийском крае)» уникальна прежде всего тем, что в ней впервые наиболее полно представлен городской фронт полиэтнического города. Писатель посетил Владивосток через тридцать лет после его основания и подробно описал его этнический состав, природный и городской ландшафт, специфику языковых контактов и кросс-языковые явления, будни и досуг местного дворянского общества, аналитически оценил историко-культурные и экономические процессы на новых российских территориях.

Примечателен тот факт, что ракурс описания инородцев направлен именно на представление их как людей фронта, поэтому писателя интересуют не столько корейцы, сколько «каули» (корейцы-рабочие во Владивостоке),

³ Характерно, что в дискурсивной практике фронтирной прозы конца XIX в. было принято давать лингвистическую справку, в которой не только давался дословный перевод «фронтирного языка», но и объяснялась семантика отдельных слов. В частности, у А. В. Елисеева фраза «Не сыпи, капитан. Чифани Ю» сопровождается комментарием: «...то есть не спи, капитан, обед готов» — фраза на смешанном русско-китайском языке, которым говорят русские с китайцами в Южно-Уссурийском крае. Всех чиновных русских здесь принято называть «капитан».

не столько китайцы, сколько «манзы» и «хунхузы», не столько кавказцы как представители конкретного этноса, сколько кавказцы как один из типов городских торговцев и т. д. Если инокультурные герои, действующие в пространстве тайги, наделены преимущественно мифологическим сознанием и при всей направленности на этнографический реализм часто выступают «внеисторичными» символическими фигурами (о чем свидетельствует константность этого типа в литературе путешествий XX в.), то инокультурные герои в городском пространстве представлены в контексте исторических и социально-экономических процессов, а их характеры и мировоззренческие ценности обусловлены социально. Каждый инокультурный персонаж Д. И. Шрейдера является представителем определенной социальной среды (в частности, Чжэнь-Люнь-Сянь — чернорабочий, Ли Хун Чу и Кон-До-Шен — типичные представители подрядчиков, Тан Юн Шан — земледелец, как собирательный образ изображаются представители китайской аристократии, и т. д.). Художественные биографии героев отражают факты социально-исторических процессов, происходящих в сопредельных государствах (неурожай и голод в Корее, обусловивший миграцию корейцев на территории Южно-Уссурийского края [Шрейдер, с. 182], запрет Китая на миграцию детей и женщин [Там же, с. 105], расцвет контрабанды опиума [Там же, с. 126], разбои хунхузов [Там же, с. 224], получение инородцами русского подданства [Там же, с. 212] и т. д.).

По мнению Д. И. Шрейдера, полиэтничность Владивостока и присутствие на его территории большого числа иностранных рабочих обусловлены крайней бедностью соседних с Владивостоком стран.

В книге Д. И. Шрейдера представлен ряд инокультурных персонажей, функция которых наглядно-образно подтвердить аналитические размышления автора, композиционно предшествующие сюжетно-событийному ряду с инокультурными персонажами. Так, например, появлению персонажей Ли Хун Чу, Кон-До-Шена, Чжэнь-Люнь-Сяня в главе «В гостях у Ли Хун Чу» предшествуют следующие идейно-тематические блоки, вербализированные автором в номинации подглав: «роль и значение манзы прежде и теперь»; «иммиграция китайцев», «отношение властей», «манза и русский» («гном и богатырь»), «вкус к работе», «его много не нузи», «манзовские артели», «роль рядчиков», «что такое русско-китайский язык» [Там же, с. 48]. В главе «В гостях у Ли Хун Чу» размышления автора приобретают зримую художественную форму. Так, крайняя бедность манз подчеркивается в интерьере жилища Ли Хун Чу, процессы трудовой иммиграции китайцев и отток капитала на родину «инородцев» художественно репрезентированы в биографии Чжэнь-Люнь-Сяня, у которого была мечта вернуться на родину и увидеть свою «бабушку» (жену), роль подрядчиков («рядчиков») в межкультурной коммуникации между манзами и русскими и распределение социальных статусов внутри артелей наглядно представлены в распределении мест за обеденным столом и т. д.

Речевая характеристика инокультурных героев Шрейдера иллюстрирует специфичный для дальневосточного пространства особый русско-китайский

язык. Автор посвящает отдельную главу (глава 5 «Русско-китайский диалект») анализу специфики особого фронтирного наречия, которое используется в межкультурной коммуникации. Писатель фиксирует в речи инокультурных героев большое количество фонетических искажений («Блата рис кушай, кули, сыпи»⁴ [Шрейдер, с. 78]). Синтаксис фраз этих персонажей сводится к номинативным конструкциям. При этом автор в речевом дискурсе персонажей отмечает такую концептуальную черту китайского языка, как метафоричность, подчеркивая любовь героя Кон-До-Шена к русскоязычным поговоркам как результат языковой интерференции, которые, по замечанию автора, переняли многие манзы в деловом дискурсе: «Это не мешало ему, однако же, украшать свою речь пословицами и поговорками, обличавшими в нем хорошее знакомство и с чуждым ему языком, и с главными сторонами своеобразной окраинной культуры. “Лука луку моет — оби шисты бывают”, “ты — мене, я — тибе: оба ситы”... Он любил поговорить преимущественно о высоких материях, любил притом говорить метафорами, образами, не торопясь, медленно...» [Там же, с. 89]. В частности, Кон-До-Шен адаптирует паремии «каждый кулик свое болото хвалит» и «волк в овечьей шкуре» в традициях «русско-китайского диалекта»: «фсакый птиц, который назыфают кулик, хвалить ту грязь, ф которой с детками жифет»; «когда фолк наденет шкуру офечки, — офечва испугается: офечка всегда боится фолка, таже когда фолк — хороший фолк» [Там же, с. 93]. Эти пословицы инокультурный герой употребляет в обличительной речи в адрес автора, пытаясь объяснить, что «манзофски шеловэк — тожи шеловэк» [Там же], что шокирующая русских специфика бытовой жизни манз — элемент их культуры, которая не заслуживает осуждения и высокомерия со стороны русских. В разговорах автора-рассказчика с инокультурными героями раскрываются новые аспекты межкультурного взаимодействия, свидетельствующие о наличии двусторонних этнических стереотипов, инокультурный герой обретает «голос», и уже может высказаться в адрес русских: «Русскому шеловеку не нравится, што манза шеремшей пахнет, а манзофски шеловець не нрафится, как русский пахнет» [Там же, с. 91]. Основным пафосом в представлении инокультурных героев в книге Д. И. Шрейдера становится постепенный разрыв связей персонажей-инородцев с родной этнической средой и представление их как людей нового типа — людей дальневосточного фронта, сделавших сознательный выбор образа жизни в условиях кросс-культурного пространства и формирующих новое, особое фронтирное сознание и фронтирную культуру.

Выводы

Таким образом, появление в литературе о Дальнем Востоке образов инокультурных героев стало важным этапом развития этнотолерантности на фронтирных территориях. Образы инокультурных героев фронта наделялись качествами,

⁴ Фраза сопровождается переводом Д. Шрейдера: «Братья едят, курят, спят».

которые не только являлись следствием бытийности героев в поликультурном пространстве, но и мифологизировались как часть ментального образа Дальнего Востока, закрепляя с одной стороны идеальные представления о «людях тайги» как воплощении гармонии в отношениях природы и человека, с другой стороны, формируя определенные этнокультурные стереотипы, художественно реализованные в инокультурных персонажах «города». Образ инокультурного героя в пространстве тайги наделялся внеисторическими, универсальными аксиологическими атрибутами мудрости и мужественности, тогда как в образах инокультурных героев городского пространства подчеркивались их адаптивные качества. Константными чертами фронтирного нарратива в представлении образов инокультурных героев стал этнографический дискурс, а также особый способ речевой атрибутики персонажа, отражающий процессы кросс-языкового взаимодействия. Текстопорождающая оппозиция «автор — инокультурный герой-спутник» во второй половине XIX в. сформировала особый объединительный «мы-дискурс», изменивший предыдущую традицию изображения образов инокультурных персонажей в категориях «свой — чужой». Существенным вкладом писателей-путешественников второй половины XIX в. стало переосмысление фронтирной оппозиции «дикость — цивилизация». Природная исключительность пространств Дальнего Востока, позиционируемая писателями второй половины XIX в. как первозданный универсум, стала объектом художественной рефлексии, что обусловило появление во фронтирном дискурсе экософских мотивов, связанных с осмыслением степени допустимости вмешательства цивилизации в природу. Появление персонифицированного образа инокультурного героя — носителя экософского сознания — стало закономерным результатом развития традиций художественной рефлексии восточного фронта, где, с одной стороны, в соответствии с рационалистическим мировоззрением Запада дальневосточное пространство мыслилось «диким» пространством, пространством «пустоты», требующим цивилизационно-культурного созидания, с другой стороны — особым этнокультурным пространством, опирающимся на иррациональное традиционное мировоззрение Востока, в котором западным устремлениям к внешнему переустройству природы и общества противостояли идеи переустройства внутреннего мира человека и сохранения гармонии между человеком и природой.

Источники

Арсеньев В. К. Дерсу Узала // Арсеньев В. К. Собр. соч. : в 6 т. Владивосток : Рубеж, 2007. Т. 1. С. 397–640.

Байков Н. А. Великий Ван : повесть ; Чёрный капитан : роман / вступ. ст. Е. Ким. Владивосток : Альманах «Рубеж», 2009.

Елисеев А. В. В тайге: (Из воспоминаний о далеком Востоке). СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1891.

Куваев О. М. Территория : роман. М. : Современник, 1984.

Максимов С. В. На Востоке: Поездка на Амур (в 1860–1861 г.): Дорож. заметки и воспоминания С. Максимова. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1864.

Острогорский В. П. Япония и японцы. Путевые очерки современной Японии Д. И. Шрейдера // Мир Божий. 1895. № 12. С. 35–39.

Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 гг. Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1990.

Пришвин М. М. Жень-Шень // Пришвин М. М. Собр. соч. : в 8 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. 4. С. 5–78.

Сысоев В. П. За черным соболем : повести. Хабаровск : Кн. изд-во, 1966.

Федосеев Г. А. Злой дух Ямбуя. М. : Вече, 2011.

Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток: (Три года в Уссурийском крае). СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1897.

Исследования

Александрова-Осокина О. Н. Вопросы геопоэтики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5. С. 216–241. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-216-241>

Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012а. № 2. С. 46–49.

Басалаева И. П. Социально-философские основания концепции фронта Ф. Дж. Тернера // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012б. № 21. С. 20–28.

Васильева Т. В. Художественные константы в изображении персонажей-представителей малых народностей в прозе В. П. Сысоева // Книжная культура Дальневосточного региона: проблемы истории, методики, межкультурной коммуникации : материалы II Всерос. науч.-метод. конф. (с междунар. участием), посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Сергея Иннокентьевича Красноштанова (1930–2018) / отв. ред. О. Н. Александрова-Осокина. Хабаровск : Тихоокеанский гос. ун-т, 2021. С. 40–45.

Васильева Т. В. Мифология дальневосточного фронта в книге С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 гг.)» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 8. С. 2518–2523. <https://doi.org/10.30853/phil2023039>

Головнев И. А., Головнева Е. В. Фронтирный дискурс в творчестве В. К. Арсеньева // Уральский исторический вестник. 2019. № 3(64). С. 40–48. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3\(64\)-40-48](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3(64)-40-48)

Головнева Е. В., Мартишина Н. И. «Владеть Востоком»: конструирование образа региона в творчестве В. К. Арсеньева // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1. С. 200–218. <https://doi.org/10.17223/2312461X/19/13>

Забияко А. А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. 2011. № 2. С. 154–169.

Милянчук Н. С. К вопросу о «географической» типологии текстов: существует ли «дальневосточный» текст? // На перекрестках филологических дорог : сб. ст. : к юбилею д-ра филол. наук, проф. Елены Александровны Первушиной / под ред. Т. И. Петровой. Владивосток : Дальневост. федер. ун-т, 2014. С. 177–185.

Петраченко О. Н. Образ инокультурного героя в произведениях Н. А. Байкова // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации : материалы участников VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. А. А. Новикова. Уссурийск : Дальневост. федер. ун-т, 2016. С. 22–26.

Трубицина Н. А. Культурологические идеи Иммануила Канта в повести М. М. Пришвина «Жень-Шень» // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 72–76. <https://doi.org/10.17223/18137083/54/8>

- Торин А. В. Как создавалась Россия: русский фронтир. М. : Вече, 2018.
- Фетисова Л. Е. Дальневосточная тема в русской литературе XVII–XIX вв. // Россия и АТР. 2003. С. 174–180.
- Чернец Л. В. О типах персонажей в русской литературе XIX века. М. : ООО «МАКС Пресс», 2018.
- Шиловский М. В. Освоение российского Дальнего Востока в XIX — начале XX века в рамках теории фронта / Актуальные вопросы истории Сибири. Тринадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина : сб. науч. ст. 13-й Всерос. науч. конф., Барнаул, 07–08 октября 2021 года / под ред. В. А. Скубневского, Д. С. Боброва. Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2021. С. 171–174.
- Яроцкая Ю. А. Мотив помощи и образы помощников в текстах В. К. Арсеньева // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3 (42). С. 65–73.

References

- Aleksandrova-Osokina, O. N. (2020). Voprosy geopoetiki v sovremennom literaturovedenii [Issues of Geopoetics in Modern Literary Criticism]. *Nauchnyi dialog*, 5, 216–241. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-216-241>
- Basalaeva, I. P. (2012a). Kriterii frontira: k postanovke problem [Criteria of the Frontier: On the Articulation of the Issue]. *Theory and Practice of Social Development*, 2, 46–49.
- Basalaeva, I. P. (2012b). Sotsial'no-filosofskie osnovaniia kontseptsii frontira F. Dzh. Ternera [Social and Philosophical Foundations of F. J. Turner's Thesis of the Frontier]. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 21, 20–28.
- Chernets, L. V. (2018). *O tipakh personazhei v russkoi literature XIX veka* [On the Types of Characters in Russian Literature of the 19th Century]. Moscow: Max Press.
- Fetisova, L. E. (2003). Dal'nevostochnaia tema v russkoi literature XVII–XIX vv. [The Far Eastern Theme in Russian Literature of the 17th–19th Centuries]. *Russia and the Pacific*, 174–180.
- Golovnev, I. A., & Golovneva, E. V. (2019). Frontirnyi diskurs v tvorchestve V. K. Arsen'eva [Frontier Discourse in the Work of V. K. Arseniev]. *Ural Historical Journal*, 3(64), 40–48. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3\(64\)-40-48](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3(64)-40-48)
- Golovneva, E. V., & Martishina, N. I. (2018). “Vladet' Vostokom”: konstruirovaniie obraza regiona v tvorchestve V. K. Arsen'eva [“Owning the East”: The Image of the Region as Constructed in the Works of Vladimir K. Arseniev]. *Siberian Historical Research*, 1, 200–218. <https://doi.org/10.17223/2312461X/19/13>
- Milyanchuk, N. S. (2014). K voprosu o “geograficheskoi” tipologii tekstov: sushchestvuet li “dal'nevostochnyi” tekst? [On the “Geographical” Typology of Texts: Is there a “Far Eastern” Text?]. In T. I. Petrova (Ed.), *Na perekrestkakh filologicheskikh dorog: sbornik statei: k iubileiu doktora filologicheskikh nauk, professora Eleny Aleksandrovny Pervushinoi* [At the Crossroads of Philological Roads: A Collection of Articles: To the Birthday of the Doctor of Philology, Professor Elena Aleksandrovna Pervushina] (pp. 177–185). Vladivostok: Far Eastern Federal University.
- Petrachenko, O. N. (2016). Obraz inokul'turnogo geroia v proizvedeniiakh N. A. Baikova [The Image of a Foreign Hero in the Works of N. A. Baikov]. In A. A. Novikova (Ed.), *Literatura i kul'tura Dal'nego Vostoka, Sibiri i Vostochnogo zarubezh'ia. Problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii: materialy uchastnikov VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Literature and Culture of the Far East, Siberia and the Eastern Abroad. Problems of Intercultural Communication: Materials of the Participants of the VI All-Russian Scholarly and Practical Conference with International Participation] (pp. 22–26). Ussuriysk: Far Eastern Federal University.

Shilovsky, M. V. (2021). Osvoenie rossiiskogo Dal'nego Vostoka v XIX – nachale XX veka v ramkakh teorii frontira [Development of the Russian Far East in the 19th– Early 20th Centuries in the Framework of the Theory of the Frontier]. In V. A. Skubnevsky, & D. S. Bobrov (Eds.), *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Trinadtsatye nauchnye chteniia pamiati professora A. P. Borodavkina: sbornik nauchnykh statei 13-i Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Barnaul, 07–08 oktiabria 2021 goda* [Relevant Issues of the History of Siberia. Thirteenth Scholarly Readings in Memory of Professor A. P. Borodavkin: A Collection of Scholarly Articles of the 13th All-Russian Scholarly Conference, Barnaul, October 07–08, 2021] (pp. 171–174). Barnaul: Altai State University.

Trubitsina, N. A. (2016). Kul'turologicheskie idei Immanuila Kanta v povesti M. M. Prishvina “Zhen'-Shen'” [Immanuel Kant's Culturological Ideas of in M. M. Prishvin's *Ginseng*]. *Siberian Journal of Philology*, 1, 72–76. <https://doi.org/10.17223/18137083/54/8>

Tyurin, A. V. (2018). *Kak sozdavalas' Rossiia: russkii frontir* [How Russia Was Created: The Russian Frontier]. Moscow: Veche.

Vasilyeva, T. V. (2021). Khudozhestvennye konstanty v izobrazhenii personazhei-predstavitelei malykh narodnostei v proze V. P. Sysoeva [Fiction Constants in the Depiction of Characters Representing Ethnic Minorities in the Prose of V. P. Sysoev]. In O. N. Aleksandrova-Osokina (Ed.), *Knizhnaia kul'tura Dal'nevostochnogo regiona: problemy istorii, metodiki, mezhkul'turnoi kommunikatsii: materialy II Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), posviashchennoi 90-letiiu so dnia rozhdeniia professora Sergeia Innokent'evicha Krasnoshtanova (1930–2018)* [Book Culture of the Far Eastern Region: Issues of History, Methodology, and Intercultural Communication: Materials of the II All-Russian Scholarly and Methodological Conference (with International Participation), Dedicated to Professor Sergei Innokentievich Krasnoshtanov's 90th Birthday (1930–2018)] (pp. 40–45). Khabarovsk: Pacific National University.

Vasilyeva, T. V. (2023). Mifologiya dal'nevostochnogo frontira v knige S. V. Maksimova “Na Vostoke. Poezdka na Amur (v 1860–1861 gg.)” [The Mythology of the Far Eastern Frontier in S. V. Maksimov's *In the East. A Trip to the Amur (in 1860–1861)*]. *Philology. Theory & Practice*, 16(8), 2518–2523. <https://doi.org/10.30853/phil20230395>

Yarotskaya, Yu. A. (2017). Motiv pomoshchi i obrazy pomoshchnikov v tekstakh V. K. Arsen'eva [The Motif of Help and the Images of Assistants in the Texts of V. K. Arseniev]. *Ojkumena. Regional Researches*, 3 (42), 65–73.

Zabiyako, A. A. (2011). Mifologiya dal'nevostochnogo frontira v soznanii pisatelei-emigrantov [The Mythology of the Far Eastern Frontier in the Minds of Émigré Writers]. *Religiovedenie*, 2, 154–169.

Васильева Татьяна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Высшей школы русской филологии
Тихоокеанский государственный
университет
680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136
E-mail: 004711@pnu.edu.ru

Vasilyeva, Tatiana Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor
Higher School of Russian Philology
Pacific National University
136, Tikhookeanskaya St.,
680035 Khabarovsk, Russia
Email: 004711@pnu.edu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4500-8308>